

Андреева Юлия Фёдоровна
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
библиотекovedения и теории чтения
Санкт-Петербургского Государственного
института культуры

Особенности читательского восприятия священных текстов

Рассмотрение вопроса о восприятии священных текстов требует проведения терминологического анализа понятия «священное». Феноменология описывает священное как первофеномен религии. Данное понимание созвучно трактовке Э. Дюркгейма, который полагал, что сущность религии заключается не в вере в трансцендентного Бога, а в разделении мира на священное и мирское [1, с. 255]. Следовательно, концептуализация феномена «священное» невозможна без его диалектического анализа в связи с противоположными ему феноменами «профанное», «секулярное», «десакрализованное».

Для определения сущности священного Р. Отто конструировал особые понятия и обозначающие их термины. Центральное место в этой группе занял термин «нуминозное». Р. Отто применял его по отношению к иррациональному компоненту феномена «святое». Он указывал на то, что «обычно мы понимаем святое как абсолютный моральный предикат, однако в святом и священном присутствует также иррациональный, сверхъестественный «избыток» [7, с. 33].

Занимаясь типологией священного, Ф. Хайлер относил к категории сакральных феноменов священные предметы, числа и слова. Под сакральными словами в данном случае подразумеваются и священные тексты, в число которых входят Коран, Новый Завет и др. Эти канонические книги воспринимаются верующими читателями сакрализованно.

В основе данного читательского восприятия лежит неконвенциональная (безусловная) трактовка языковых знаков, характеризующаяся иррациональным и субъективно-пристрастным отношением к слову. Вышеуказанная трактовка базируется на представлении о том, что слово – это не условное обозначение предмета, а его часть. При отождествлении знака и обозначаемого, имени вещи и её сущности в сознании читателя возникает представление о трансцендентных свойствах текста (божественное происхождение, святость и вечность).

Рассмотрим сакрализованное читательское восприятие священных текстов на примере Нового Завета. Фактором данного восприятия служит религиозная вера читателя. Однако чтение Священного Писания само по себе может детерминировать формирование неконвенционального отношения к слову. В качестве примера текста, способного вызывать подобные метаморфозы в читательском сознании, следует привести строки из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» [6].

Секулярным парафразом приведённого евангельского изречения служит стихотворение С. Георге «Слово»:

Я много и чудес и грёз
Из дальних стран домой привёз.
И к ним судьба добра была:
Их Норна мудро нарекла.
И словом влившись в песнь мою
Они цвели в родном краю...
Привез я через много лет
Жемчужину - ей равной нет.

Но Норны был короток сказ:
«Слов не найти таких у нас».
И опечалился я вдруг.
И жемчуг выскользнул из рук -
Пропал - я не нашел его...
Без слов - нет в мире ничего.

Известно, что данное произведение привлекало внимание М. Хайдеггера. Ему импонировала мысль о том, что именно слово приводит вещь к существованию. Оно добывает для неё бытие и является не условным обозначением, а домом бытия.

В процессе герменевтического анализа вышеприведённых евангельских строк рождается мысль о том, что описанное отношение к языковому знаку могло послужить фактором появления в православии оноματοдоксии или имяславия. Сторонники этого движения утверждали, что Имя Божие есть Бог. Данная точка зрения породила споры и стала богословской проблемой, решение которой не было найдено. Известный современный проповедник, настоятель домового храма святой мученицы Татианы при МГУ им. М.В. Ломоносова протоиерей Максим Козлов полагает, что «тему эту ещё предстоит осмыслить и решить, но в более спокойную эпоху» [2, с. 109].

Ещё одной проблемой, связанной с неконвенциональным отношением читателя к языковому знаку, является старообрядчество. Проповедники раскола обвинили церковь в том, что она изменила в богослужебных книгах написание имени Спасителя. Обвинение было вызвано их несогласием с решением о новогреческом добавлении второй буквы «и» в имя «Исус». Данное нововведение представлялось идеологам старообрядчества столь пагубным, что в знак протеста ими было разработано учение об «огненной смерти», приведшее к гибели нескольких тысяч приверженцев «древлего благочестия».

Таким образом, неконвенциональная трактовка языкового знака может служить детерминантой не только чуткого, но и фанатичного отношения читателя к словам, зафиксированным в Писании. При этом между аутентичностью сакрального текста и успешностью религиозной практики устанавливается причинно-следственная связь.

Следует указать на то, что иррациональная и субъективно-пристрастная трактовка слова по сути своей близка к художественно-эстетическому восприятию языковых знаков. Эстетическая функция речи состоит в том, чтобы вызывать эстетические переживания (чувство притягательной красоты слова, стремление к вчитыванию в текст, вбирание текста в себя и растворение в нём).

Эстетическое восприятие принято связывать с полушарной асимметрией. Существует мнение, что эмоциональное и алогичное восприятие текста детерминируется правополушарным доминированием. При праводоминантном восприятии всё то, что читателю кажется, имеет приоритет перед чем-либо реально существующим. Благодаря этому читатель не только примиряется с непонятностью текста, но даже испытывает потребность в смысловой непрозрачности. Данная потребность обусловлена тем, что на человека, склонного к художественно-эстетическому восприятию языковых знаков, непонятный текст может оказывать фасцинирующее воздействие. Фасцинация представляет собой максимальную способность убеждать, волновать и завораживать.

Велимир Хлебников, пытаясь определить сущность феномена притягательности непонятных текстов, предположил, что странная мудрость туманных по смыслу произведений разлагается на истины, заключённые не в словах и предложениях, а в отдельных звуках. Он писал о том, что «эти звуковые очереди - ряд проносящихся перед сумерками нашей души мировых истин» [9, с. 294].

Мысль, высказанная Хлебниковым, в чём-то близка концепции гематрии (раскрытие тайного смысла слова посредством атрибуции букв числам). Гематрия применяется в каббалистических текстах. Она имеет общие черты с церковнославянской изопсефией, представляющей собой православный герменевтический метод превращения слова в число.

Аргументом, подтверждающим наличие связи между идеями Хлебникова и религиозными герменевтическими практиками, может служить следующий факт. Размышляя об истинах, заключённых в отдельных звуках, поэт уделял особое внимание феномену непонятности сакральных текстов и молитв многих народов. Он занимался осмыслением закономерности, заключающейся в том, что наиболее мощная фасцинация характерна для тех религиозных текстов, которые создаются на «чужом» для верующих языке. Описывая эту закономерность, Хлебников отмечал: «Разве индус понимает Веды? Старославянский язык непонятен русскому. Латинский – поляку и чеху. Но написанная на латинском языке молитва действует не менее сильно» [9, с. 294].

Замечание, сделанное поэтом, может служить одним из аргументов в споре противников и сторонников языковой реформы богослужения. Последние утверждают, что на современном русском языке литургия станет более понятной. Однако литургия – это таинство. Она представляет собой включенность человека в духовную реальность и не может быть усвоена исключительно на вербальном уровне. По мнению архимандрита Рафаила (Карелина), непонятная фраза на славянском языке, прочитанная в Священном Писании или услышанная во время церковной службы, «минуя аналитический рассудок человека, потоком горячего света озаряет, как будто открывает его сердце, и оно трепещет, как душа странника, который после долгого пути увидел огни отеческого дома. Здесь происходит припоминание. Человек вспоминает о потерянном рае и о том языке, которому повиновались все живые существа, языке на котором он беседовал с Ангелами» [8, с. 363]. Художественным комментарием к данному высказыванию могут служить строки М.Ю. Лермонтова:

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз,
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Резюмируя вышесказанное, мы можем предположить, что непонятный большинству читателей церковнославянский язык Священного Писания близок к внутреннему логосу. В основе данного тезиса лежит представление христианской антропологии о том, что человек обладает двумя видами слова: эндотетическим и профористическим. В первом случае речь идёт о внутреннем слове, которое по сути своей однородно и свойственно всему человечеству. Эндотетическое слово лежит глубже рассудочной аналитики. Оно относится к сфере непосредственных созерцаний, проникновений в сущность предметов. В отличие от него, внешнее или профористическое слово имеет вербально-фонетическую структуру. Оно раздроблено на национальные языки, которые в процессе филогенеза всё более дифференцируются, материализуются и абстрагируются от духа.

Продолжая характеристику неконвенционального и эстетического восприятия слова, следует указать на то, что нередко они соединяются. Описание данного слияния содержится в рассказе А.П. Чехова «Мужики». Он включает в себя следующее повествование о жизни героини: «Она каждый день читала Евангелие, читала вслух, подъячковски, и многого не понимала, но святые слова трогали её до слёз, и такие слова, как «аще» и «дондеже», она произносила с замиранием сердца. Она верила в бога, в божью мать, в угодников; верила, что нельзя обижать никого на свете – ни простых людей, ни немцев, ни цыган, ни евреев, и что горе даже тем, кто не жалеет животных; верила, что так написано в святых книгах, и потому, когда она произносила слова из Писания, даже непонятные, то лицо у неё становилось жалостливым, умилённым и светлым» [10, с. 212].

Таким образом, читатель, сакрализованно воспринимающий Новый Завет, верит в боговдохновенность данного текста и fasciniруется его звучанием. Однако этими характеристиками сущность сакрализованного восприятия не исчерпывается. Верующий читатель абсолютизирует содержание Священного Писания. Так, А.С. Пушкин говорил о Евангелии: «Вот единственная в мире книга – в ней есть всё» [3, с. 503].

Следует отметить, что изречение Александра Сергеевича не служит доказательством его веры. Возможно, поэт относился к Священному Писанию почтительно, но десакрализованно. Подобная позиция нередко просматривается в деятельности сотрудников публичных библиотек. Аргументом, подтверждающим данный тезис, может служить характеристика библиотечной выставки «Книги, которые потрясли мир», подготовленной специалистами Библиотеки им. Н.К. Крупской (Санкт-Петербург). Выставка была построена таким образом, что на одной стеллажной полке разместились Библия, книга А. Эйнштейна «Основы теории относительности» и труд Ч. Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора, или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь». Гетерогенность отобранных документов свидетельствует о том, что составителям выставки не было свойственно благоговейное, нуминозное восприятие Священного Писания. Иными словами, ставя Библию в один ряд с научными трудами, библиотекари декларировали свою нейтральную позицию по отношению к сакральному христианскому тексту.

Ещё одним примером десакрализованного отношения членов светского библиотечного сообщества к Новому Завету может служить систематическая расстановка книг в Отрадненской городской библиотеке (Ленинградская обл., Кировский р-н). Каталогизатор данной библиотеки при систематизации документов использует рабочие таблицы ББК для массовых библиотек. В связи с относительной малочисленностью религиозной литературы все книги отдела «86 Религия. Мистика. Свободомыслие» собираются за общим полочным разделителем и располагаются в алфавитном порядке. При таком подходе на одной стеллажной полке с Новым Заветом оказываются издания под заглавиями «Расшифрованный Нострадамус» и «Мистические свойства камней». Данное расположение не является нарушением правил, но свидетельствует о профанном восприятии сакрального текста сотрудниками Отрадненской городской библиотеки.

Подобное обращение со Священным Писанием среди работников православных библиотек считается неприемлемым. Так, сотрудник библиотеки Казанского кафедрального собора при расстановке фонда неукоснительно соблюдает приоритет Библии перед прочими документами. Это требование выполняется в условиях нехватки площади. В стеснённой обстановке для Священного Писания отводятся отдельные книжные полки. Таким образом, сакральные христианские тексты обособляются от иных изданий.

Список использованной литературы

1. Горелов А.А. Наука и религия: перспективы синтеза / А.А. Горелов, Т.А. Горелова. – Москва: [Либроком], 2012. – 360 с.

2. Козлов М. Православие и инославие / протоиерей М. Козлов. – Москва: Никая, 2011. – 159 с.
3. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д.Мережковский. – Москва: Республика, 1995. – 623 с.
4. Мечковская Н.Б. Язык и религия: лекции по филологии и истории религии: учеб. пособие / Н.Б. Мечковская. – Москва: Гранд: Фаир, 1998. – 349 с.
5. Новейший словарь религиоведения / авт.-сост. О.К. Садовников, Г.В. Згурский; под ред. С.Н. Смоленского. – Ростов на Дону: Феникс, 2010. – 444 с.
6. Новый Завет. – [Б. м.]: USSR, 1991. – 294 с.
7. Пылаев М.А. Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX века / М.А. Пылаев. – Москва: РГГУ, 2011. – 216 с.
8. Рафаил (Карелин С.В.; архим.) Христианство и модернизм / архимандрит Рафаил. – Москва: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1999. – 463 с.
9. Хлебников В. Избранные сочинения / Велимир Хлебников. – Санкт-Петербург: Азбука, 1998. – 377 с.
10. Чехов А.П. Избранные сочинения: в 2 т. т.2 / А.П. Чехов. – Москва: Художественная литература, 1979. – 701 с.
11. Heiler F. Die Religionen der Menschheit / F. Heiler. - Stuttgart: Reclam, 1991. - 672 s.
12. Schaeffler R. Religionsphilosophie / R. Schaeffler. - Freiburg: K. Alber, 1983. – 278 s.